

Неверович Галина Александровна

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ МИФОЛОГЕМА "СВОЙ / ЧУЖОЙ / ДРУГОЙ" В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДЕТСТВА ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ (В. П. АСТАФЬЕВ "ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ СКАЗКА")

В статье рассматриваются особенности использования архетипической мифологемы "Свой/Чужой/Другой" в рассказе В. П. Астафьева "Далекая и близкая сказка" как средства раскрытия процесса идентификации личности в детстве. В художественном пространстве рассказа выделены характерные для детства три этапа в постижении Чужого: "Мы (дети) / Чужой", "Я/бабушка/Чужой", "Я/Чужой". Выявлены две позиции представления модели постижения Чужого и превращение его в Другого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 33-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. Даганов А. Огни на вершинах: стихи. М.: Советский писатель, 1974. 88 с.
17. Джачаев А. Избранные произведения: в 2-х т. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1994. 592 с.
18. Магомедов Б. М. Письмо отцу. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988. 224 с.
19. Махмуд из Кахабросо. Лирика. М.: Дагкнигоиздат, 1989. 156 с.
20. Маяковский В. В. Стихотворения. Поэмы. Л.: Лениздат, 1968. 632 с.
21. Митаров М. Иран-Хараб: поэма и стихи. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1968. 105 с.
22. Низами. Пять поэм. М.: Художественная литература, 1968. Т. 25. 860 с.
23. Рамазанов Б. Избранное: сборник поэзии. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2008. 256 с.
24. Саидов А. Мой Самур. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. 464 с.
25. Сулейманов А.-В. Избранные произведения. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. Т. 1. 349 с.
26. Султанов Каз. К. Поэзии неугасимый свет. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. 160 с.
27. Хаметова Х. Избранное. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2000. 384 с.
28. Хрестоматия по литературе народов СССР. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1950. 974 с.
29. Цадаса Г. Избранное. М.: Изд-во «Художественная литература», 1977. 404 с.

THE GENRE PALETTE OF THE DAGESTAN POETRY OF THE 60-70S OF THE XX CENTURY

Minatullaeva Madina Magomed-Shapieva, Ph. D. in Philology
 Dagestan Institute of Education Development
 m_minatullaeva@mail.ru

The article is devoted to the study of the genre diversity of the Dagestan poetry of the 60-70s of the XX century. As a result of the analysis the conclusion is made that the genre palette of the period under examination formed not without a productive influence of the experience of the Russian literature and the literature of the peoples of the East, but at the same time the Dagestan poetry preserves the features of national peculiarity, national mentality. In the Dagestan poetry of the 60-70s of the XX century large and small poetic genres strengthened such as a lyrical and epic poem and its varieties – a poem-monologue, a poem-coherence, a poem-memoir, and also a saga, a legend, a ballad, a sonnet, a sketch, an elegy, an octave and poems-dedications, poems-addressings, poems-instructions and etc.

Key words and phrases: poetry; genre; poem; saga; legend; ballad; sonnets; sketch; elegy; octaves; verses.

УДК-821.161

В статье рассматриваются особенности использования архетипической мифологемы «Свой/Чужой/Другой» в рассказе В. П. Астафьева «Далекая и близкая сказка» как средства раскрытия процесса идентификации личности в детстве. В художественном пространстве рассказа выделены характерные для детства три этапа в постижении Чужого: «Мы (дети) / Чужой», «Я/бабушка/Чужой», «Я/Чужой». Выявлены две позиции представления модели постижения Чужого и превращение его в Другого.

Ключевые слова и фразы: деревенская проза; художественный мир детства; архетипическая мифологема «Свой/Чужой/Другой»; идентификация личности в детстве; мифопоэтические черты; превращение Чужого в Другого; появление Другого Я.

Неверович Галина Александровна

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
 nevgalina@gmail.com

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ МИФОЛОГЕМА «СВОЙ / ЧУЖОЙ / ДРУГОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДЕТСТВА ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ (В. П. АСТАФЬЕВ «ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ СКАЗКА»)

В художественном пространстве деревенской прозы детство существует как особый мир. В его основе лежат духовно-нравственные идеалы деревенской жизни, традиции крестьянской семьи, бытие которой определяется онтологическими фазами жизни человека: рождение, взросление, смерть. Рассматривая этическую природу «деревенской прозы», А. Ю. Большакова пишет: «Натурфилософская подоснова этических исканий у писателей-“деревенщиков” определяется их исследованием природной сути, первооснов человеческой природы, естественных понятий добра и зла. Вот почему так любят “деревенщики” изображать детство...» [2, с. 299].

В этот период жизни впервые возникает проблема взаимопонимания с окружающим миром, в том числе и в межкультурном аспекте. Считается, что «семиотика человеческого поведения предполагает существование Другого как необходимое условие идентификации личности и формирования самосознания. Благодаря существованию Другого человек способен формировать суждение о себе как о субъекте и объекте одновременно. Другой одновременно выступает посредником в отношениях личности с собой и наблюдателем её мыслей и ощущений» [3, с. 224].

Сюжет рассказа В. Астафьева «Далекая и близкая сказка» – художественное воплощение первой встречи с *Чужим*, случившейся в детстве. Автор передает психологизм и драматизм переживаний мальчика, точно рисует последовательность событий, превращающих понятие *Чужое* в *Другое*, подчеркивает ценность и значимость этих событий в детские годы жизни. Архетипическая мифологема «*Свой/Другой/Чужой*» раскрывается в описании внешнего и внутреннего плана жизни ребенка, главного героя рассказа. Глубину художественному исследованию процесса освоения *Чужого/Другого* в детстве придает автобиографичность сюжета рассказа.

В детстве постижение реального пространства является первичным вариантом знакомства с *Чужим/Другим*. Обретение *Своего* начинается с избытка, дома, двора, улицы, на границе деревни начинается *Чужое* пространство, которое своей отдаленностью влечет детей, стремящихся к самостоятельности, в силу этого постепенно преобразуется в *Другое*.

Рассказ В. П. Астафьева начинается с описания природы. Пейзаж на задворках села рисуется автором густыми мазками, полотно всё заполнено: растекался ключ, благодаря которому расплодился черемушник, хмель, густая осока. При этом само дальнейшее пространство осознается героем как *Своё*. И в этом *Своем* живет Вася-поляк, «таинственный», «не от мира сего» человек, принятый деревенским миром, получивший от него имя Вася вместо Стася/Станислав. Он, не причинивший никогда никому зла, вызывал у ребятни «пугливую учтивость» и таинственный страх. Но при всём этом ребята играли здесь, крутили веялку, помогая взрослым, здесь же мальчик слышал пронзительную музыку Огинского в исполнении Васи-поляка.

Детский мир игр, взрослый мир труда и мир *Чужого* человека художественно соединены автором в одной точке пространства на границе деревни для показа дальнейшего развития взаимоотношений. Это может быть вариант противопоставления *Своего/Другого/Чужого* или перевоплощения *Чужого* в *Другого* и *Своего*. Архетипическая мифологема «*Свой/Чужой/Другой*» становится условием движения сюжета рассказа. Разворачивая ее, автор показывает различие двух культур, объединяя их смыслом обогащения, освоения или превращения в *Другого*.

Ребенок в процессе самоопределения и самопознания мира нуждается во внешнем сопровождении. В рассказе представлены три этапа в постижении *Чужого*: «Мы (дети) / Чужой», «Я/бабушка/Чужой», «Я/Чужой». Позиция «Мы/Чужой» характеризуется общим детским страхом, пугливостью. Иные чувства появляются при встрече с *Чужим* в пространстве дома и вблизи бабушки, которая становится своеобразным проводником для мальчика в мир *Чужого* человека. Однажды Вася-поляк пришел к бабушке за отваром трав, и герой внимательно рассматривает, как он пьет чай «не по-нашему», как «очки грозно сияли», «ел стеснительно», «церемонно, не крестясь, откланялся» [1, с. 7]. Мальчик понимает и разделяет сострадание, сокрытое во вздохе бабушки: «Доля ты тяжкая... Слепнет человек» [Там же]. Опираясь на собственные представления, герой воспринимает мир другого человека в зеркальном отражении. Традиционно ребенка интересует предметный мир, необычные вещи, окружающие этого человека: очки, смычок, скрипка. Лишь затем он оценивает поведение, которое так отличает Васю от деревенских.

Сюжетная пружина времени начинает стремительно раскручиваться автором: «вечером другого дня» происходит встреча один на один с *Чужим*, ставшая возможной в результате приобретенного опыта общения. Находясь в привычном для него месте детских игр, мальчик слышит музыку, («чужое играет, непонятное» [Там же, с. 15]). Рвущие душу звуки толкают его к нарушению границы, и он впервые заходит в чужое пространство караулки, где живет Вася. По просьбе мальчика снова звучит музыка, теперь сильнее ощущается её мягкость и доброта, тревога и боль лишь угадывается. Доверие хозяина выражается в просьбе подбросить дров в печку, в рассказе о композиторе, в сокровенных мыслях о родине, которыми он делится с мальчиком. В этом диалоге окончательно преодолеваются все границы страха между *Я* и *Чужой*. А сам факт открытия *Чужого*, преобразование в *Другого* указывает на развитие героя, предполагает снятие страха перед *Чужим* мирским пространством и принятие его в сферу *Своего* сакрального.

Вслед за этим происходит самое главное – встреча с собой, с *Другим Я*. Мальчику вдруг открывается пространство родины, ощущение любви к ней. Теперь он не испытывает страха ни на кладбище у могилы матери, ни на берегу Енисея. И те чувства, которые он пережил, заставляют его думать и узнавать себя и мир глубже. Вечер, ночь. Пространство *Чужого*, которое так таинственно манило, освоено, и уже не пугает темнота, одиночество, беспокойный Енисей успокаивает сознание мальчика ощущением родины. Он долго сидит в ночи на берегу, не спешит домой. Происходит внутреннее освоение в себе *Другого Я*. Граница между пространствами *Своего/Чужого/Другого* становится своеобразной возрастной границей внутри самого человека.

Вернувшись в дом, он расспрашивает бабушку о Васе-поляке, узнает историю появления семьи в деревне, о смерти его родителей, о том, что тот никогда не видел своей родины. Наряду с рассказом бабушки в мальчишеской памяти звучат слова Васи, сказанные только ему: «Всё проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда не проходит и не гаснет тоска по родине...» [Там же, с. 13].

Детский возраст – это период вхождения в мир той культуры, которая окружает ребенка с рождения, но есть и более глубинные корни национальной идентичности. Они внутри семьи, не зависят от того места, где человек живет, закладывается всё это в детстве и сохраняется всю жизнь. Результатом идентификации личности является умение сохранить *Своё* в *Чужом* пространстве, поэтому смысловую оппозицию *Свой/Другой/Чужой* в рассказе Астафьева можно рассматривать с двух сторон.

С одной стороны, идет рассказ о польской семье, не по доброй воле оказавшейся в русской деревне. Приняли ссыльные *Чужой* уклад жизни, при этом *Свою* культуру не забыли и передали сыну, который сохранил её вдалеке от родины. Важно, что внешняя закрытость уклада деревенского мира не создает конфликтного

поля в общении *Своей/Чужой*, и более того, происходит превращение *Чужого* в *Другого*, а затем и в *Своего*. Так, после смерти Васи в деревне стало «чего-то недоставать», «не было уж такого дома... где бы не помянули его добрым словом... оказалось, что Вася-поляк... помогал людям смиренностью, почтительностью быть лучше, доброй друг к другу» [Там же, с. 18]. Благостно и горько вздыхали в деревне, вспоминая Васю-поляка. В памяти осталось то смирение, с которым жил он в деревне, не нарушая гармонии деревенского мира.

С другой стороны, в финале рассказа видим, как повзрослевший герой в период Великой Отечественной войны вдруг оказывается в небольшом польском городе, освобожденном советскими войсками. *Чужое* пространство разрушено, кругом огонь, усталые кострища, купол пожара, гнетущее ощущение разора и смерти. На этом огненном фоне под звуки органа взрослый человек вспоминает свои детские ощущения, чувствует произошедшие в себе самом изменения. Музыка обновляет и очищает его. И этот внутренний *Другой* чувствует: «...я вроде был тот же... но нет детского восторга и жалости чистой, детской, из которой рождалась любовь к земле родной, к своим близким...», а «...старая музыка... повернулась иной ко мне стороной... заставляла что-то делать... чтобы... вечное наше небо не подбрасывало взрывами» [Там же, с. 20]. Герой осознает свою ответственность перед миром, перед «сухощескими святыми и мадоннами, глядящими сквозь копоть голубыми скорбными глазами» [Там же, с. 19]. Так автор раскрывает код праведности человеческой жизни в *Своем* и *Чужом* пространстве, сокрытый в ощущении сопричастности ко всему в мире.

В художественной модели встречи с *Чужим/Другим*, созданной в рассказе, есть растянутость/протяженность времени (от детства до взросления) и пространства (от русской сибирской деревни до польского городка). Образы Васи-поляка и мальчика наделены мифопоэтическими чертами, что проявляется в пространственной близости их к воде и земле как источнику всего живого и вечного, а в образе повзрослевшего солдата возникает иная оппозиция – огонь и небо: идет война, мир разрушен, но вечна музыка и память.

В деревенском Космосе жизни история Васи превращается в деревенский миф: утрачен крест на могиле родителей, затерялась и могила Васи, но остается память о нем. Со смертью Васи в рассказе полностью снимается противопоставление, заложенное в архетипической мифологеме *Своей/Чужой*, благодаря духовной связи с деревенским миром происходит превращение в *Другого* высшего порядка, «вроде праведника» [Там же, с. 18].

Оппозицию «*Своей/Чужой/Другой*» в рассказе В. Астафьева «Далекая и близкая сказка» можно рассмотреть в философской трактовке, понимая, что здесь показан процесс самоидентификации Я-мальчика через осознание *Другого*, реального человека. Важен и мифологический аспект данной оппозиции. Это возвращение взрослого человека на войне к себе *Другому, детскому Я*, в сакральное пространство детства, где время обратимо и пространства бытия едино.

В небольшом рассказе В. П. Астафьева художественно раскрыт путь освоения и обогащения картины мира в детстве. Художественный мир произведения наполнен глубокими детскими переживаниями, происходящими при встрече с *Чужим*. Понимание ценности и значимости *Своего* мира происходит на фоне постижения *Чужого* и сравнения его со *Своим*, вслед за этим происходит принятие или отторжение *Чужого* мира, появление *Другого* и осознание его места в *Своей* жизни, при этом важно и необходимо сохранить в себе национальную культуру и сохранить себя.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Последний поклон. М.: Известия, 1982. 640 с.
2. Большакова А. Ю. Крестьянство в русской литературе XVIII-XX вв.: пособие для педагогов. М.: Изд-во Института социально-педагогических проблем сельской школы РАО, 2004. 420 с.
3. Ермакова В. А. «ДРУГОЙ» как необходимое условие семиотизации личности (на материале русских и английских паремий) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 224-229.

ARCHETYPICAL MYTHOLOGEME “ME / NOT ME / THE OTHER” IN THE CHILDHOOD’S ARTISTIC WORLD OF A VILLAGE PROSE (V. P. ASTAFYEV “THE FARAWAY AND NEARBY TALE”)

Neverovich Galina Aleksandrovna

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

nevgalina@gmail.com

The article examines the peculiarities of using archetypal mythologeme “Me/ Not Me / The Other” in the story by V. P. Astafyev “The Faraway and Nearby Tale” as a means to discover the process of self-identification in the childhood. In the artistic space of the story the author distinguishes the typical for the childhood three stages in understanding Not Me: “We (children) / Not We”, “Me / Grandmother / Not Me”, “Me / Not Me”. The paper identifies two approaches to presenting the model for understanding Not Me and his transformation into the Other.

Key words and phrases: village prose; childhood’s artistic world; archetypal mythologeme “Me /Not Me/ The Other”; self-identification in the childhood; mytho-poetical features; transformation of Not Me into the Other; appearance of Another Me.